

16+

Гюлюш Агамамедова

Бакинские новеллы

Гюлюш Чингиз кызы Агамамедова

Бакинские новеллы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42345422

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-10379-5

Аннотация

Почему книга называется «Бакинские новеллы»? Потому что действие всех новелл, за исключением новеллы «Бабушка», происходит в Баку. Баку многолик и многонационален и, как следствие, непредсказуем. В нем намешано много хорошего и плохого. Почти все новеллы основаны на реальных событиях. Стиль повествования простой, камерный.

Содержание

Девочка и море	4
Урок математики	11
Нелетная погода	22
Знакомство	29
Перевод	39
Операция	45
Новый Год	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Девочка и море

Волны набегают на берег с золотистым песком. Море ласково шелестит. Солнце почти в зените. На пляже, несмотря на рекомендации врачей купаться до 11 часов, полно народу. Дети бегают, кричат, как чайки. Два малыша, прямо у самой воды, с большим удовольствием копошатся в жиже, состоящей из мокрого песка и соленой воды. Компания подростков и ребят чуть постарше демонстрируют свои, еще не заплывшие жиром тела. В воде также оживленно, как и на берегу.

И вдруг, истошный крик. Он повторяется через равномерные промежутки. Кричит женщина, дрейфовавшая на надувном матрасе и отплывшая немного дальше основной массы купальщиков. Плескавшийся неподалеку пузатый мужчина, обернувшись на крик и увидев что-то странное, быстренько рванул к берегу.

Молодые люди, оказавшиеся рядом и в первый момент сделавшие движение в сторону дамы, также спешно развернулись и поплыли к берегу.

На берегу отдыхающие засобирались в пансионат. Кто-то вспомнил о спасателях, которых никогда нет на месте.

Девочка лет 14, лежавшая на берегу, уткнувшись в детектив, подняла голову, очнулась от книги и поразилась совершенно переменившемуся опустевшему пляжу.

Крики несчастной разносились под тем же ярким солнцем и при таком же ласковом море, как и пять минут назад.

Девочка прищурилась, чтобы защитить глаза от солнца, пытаясь разглядеть откуда доносятся крики. Ничего кроме надувного матраса рядом с буйком и моря свободного от купальщиков, она не увидела.

Она легко вошла в воду, минутку поежилась от контраста горячего песка и прохладной воды и пробежав до глубины, поплыла, стараясь не выпускать из виду надувной матрас. На матрасе, боясь пошевелиться и вцепившись в его края лежала женщина, издававшая время от времени пронзительные звуки, переполошившие и оголившие побережье, белокожая от природы, но покрывшаяся красным загаром. Рядом из воды высывалась черная, круглая, блестящая, словно лакированная голова тюленя. У него были круглые глаза с редкими длинными ресницами, и он с удивлением и любопытством смотрел на кричащую даму.

Девочка, приблизившись к живописной группе, переглянулась с тюленем как с сообщником, помахала ему рукой, взяла матрас с обезумевшей женщиной на буксир и поплыла в сторону берега.

Тюлень с удовольствием нырнул в воду, догадавшись, что представление окончено, и уплыл в открытое море.

Женщина по инерции продолжала кричать еще некоторое время, а потом затихла. Девочка с трудом вытащила ее на берег вместе с матрасом и увидев, неведомо откуда взявшихся

отдыхающих, поручила даму их заботам, а сама убежала дочитывать свой детектив.

Пустынный пляж вновь ожил. Сердобольные мамыши и многоопытные мужи наперебой давали советы на все случаи жизни, в том числе и как вести себя при внезапной встрече с диким зверем или ядовитой змеей. Пострадавшая потихоньку приходила в себя. Ей принесли попить водички, поместили в тень и закутали в полотенце.

Женщина воспрянула и через некоторое время раздавался теперь уже ее смех, немного истеричный и своим высоким тембром, отдаленно напоминавшем прежние крики ужаса. Она оживленно пересказывала случившееся, несколько вольно обращаясь с реальными фактами.

– Представьте себе, этот противный тюлень, среди стольких купающихся, подплыл именно ко мне. А я вначале совершенно не обратила на него никакого внимания, я была занята своими мыслями и унеслась куда-то очень далеко.

– Я прекрасно понимаю тюленя, – вступил в разговор тот самый пузатый мужчина, который удирал некоторое время назад с невероятной скоростью.

– На его месте я поступил бы также. Такая очаровательная женщина и одна, совершенно немислимо.

Ситуация, обещавшая вначале трагическую развязку, завершилась фарсом. Все с облегчением вздохнули.

Девочка услышав смех, а не крики, взглянула на оживленную группу на берегу, чему-то про себя удивилась, натяну-

ла прямо на мокрый купальник юбку и стала подниматься по широкой асфальтированной дороге, идущей серпантином к санаторию. Она поднималась и спускалась по этой дороге дважды в день. Отдыхающие предпочитали ездить на пляж на автобусе. И никто не мешал ей наслаждаться прекрасным видом, открывающимся на море и смешанным запахом хвои и моря. Девочке было и смешно, и грустно. Неужели все взрослые такие странные, смешные, трусливые и иногда непонятные. Может быть так и есть. Она сама, став взрослой, станет похожей на них.

Девочка поднялась в номер. Ее мать в этот день не выходила и лежала с перевязанной головой. Она страдала мигренью. Как у всех людей, страдающих мигренью, у нее было маниакальное пристрастие к порядку. Все вещи в маленьком номере лежали на своих местах. При мысли, что идеальный порядок может быть нарушен, приступ мигрени становился сильнее.

Девочка постаралась не вносить обычного хаоса, сопутствующего ей, в мир своей матери и не беспокоить ее. Но мать несмотря на нестерпимую боль почувствовала, что ей хочется высказаться.

– Я тебя хорошо знаю, по тому как ты вошла, я поняла, что что-то случилось.

Девочка рассказала ей все, что произошло на пляже.

– Представь себе, мама, громадную тетку на матрасе, которая истошно кричит, потому что рядом объявился симпа-

тичный тюлень, и всех бравых мужчин удирающих неожиданно быстро для их комплекции.

– Знаешь есть такая библейская истина, не суди и не судима будешь, тихо произнесла мать, стараясь не спровоцировать новый приступ мигрени.

Девочка запнулась, подумала, что мама сегодня нездорова и может поэтому не чувствует комизма этой истории.

На следующий день поднялась настоящая буря. Дул пронзительный бриз, небо было серым с клочковатыми облаками, волны ходили ходуном. О том, чтобы спуститься на пляж, не могло быть и речи.

Девочка изнывала весь день. Для нее море было близким другом. Она предпочитала компанию моря своим сверстникам. Она могла ему высказать все то, чего не рассказала бы людям. Может только маме, да и то с оглядкой, стараясь не сделать ей больно и не заставить волноваться лишний раз.

Еще через день небо оставалось серым, но море перестало бушевать, и девочка решила искупаться. Она не предупредила никого. Наверняка мать не позволила бы купаться после бури. Пляж был пустынным, но на сей раз в этом не было ничего странного. Она была одна наедине со своим любимым морем.

Ей казалось, что она хорошо знает море и видела его в любую погоду. На солнце без ветра, когда вода делалась бирюзового цвета и была прозрачной, так что можно было видеть дно. Оно было таким ласковым и ручным. В ветреную

погоду, на нем поднимались волны в кружевной пене. Девочка очень любила качаться на волнах. Игра не всегда безопасная, но очень захватывающая. Кто кого перехитрит. Девочка волну или волна девочку.

Она смело вошла в воду и привычно легко поплыла. Вода была мутной, перемешанной с песком и водорослями, царапавшими загорелую кожу. Море было чужим. С ним не только нельзя было разговаривать по душам, но напротив, из друга, близкого и давнишнего, оно превратилось во врага, опасного и коварного.

Девочка плыла все дальше и дальше, надеясь, что оно узнает ее и переменится, станет ласковым, как прежде.

Легкий толчок в спину, и она застывает на месте. Течение воды становится сильнее. И вот уже ее несет по кругу, засасывая в водоворот. Соленая обжигающая вода забивает нос, рот, жжет глаза, ломает тело, забирая в безжалостный водяной спрут. Ей становится невыразимо страшно от мысли, что она, в своей самонадеянности и глупом бесстрашии совершенно одна. Она может кричать, звать на помощь, и никто не откликнется, просто потому, что вокруг никого нет, кроме бездушного моря. Девочка еще пытается бороться, выскочить из пучины, делая судорожные движения и напрягая до боли все мускулы.

Результат получается обратный приложенным усилиям, чем больше она сопротивляется, тем глубже погружается в ставшее ненавистным море. Сознание мутнеет, и тут она

вспоминает чей-то рассказ о том, что с водоворотом не нужно бороться, а надо позволить увлечь себя течению. Усилием воли, она расслабляется и ее выбрасывает из водоворота как чужеродный элемент, почти на самый берег.

Полежав немного на мели и отдышавшись, она доползает до песчаного берега, больно оцарапав себе колени и ладони, и долгое время лежит без сил, как выброшенная на берег рыба.

Не понимая, за что наказало ее любимое море, ей приходит на ум кричавшая женщина. Она на минуту представляет себя на надувном матрасе, не умеющей плавать, не представляющей, чего можно ждать от неведомого черного зверя. Теперь ей уже не кажется таким нелепым ее крик и паника окружающих.

Солнце лениво проглядывает сквозь тучу и бросает теплый луч на девочку. Она улыбается ему и подмигивает:
– А знаешь, я теперь поумнела и, кажется, взрослею.

Урок математики

Флот неприятеля перешел в наступление. Один из кораблей, подплывший совсем близко, выбросил abordажные крюки, и пираты приготовились спрыгнуть на судно капитана.

– Ты долго еще будешь занимать ванну. Я опаздываю, голос сестры донесся издалека.

– Я знаю чем ты там занимаешься, играешь в солдатики. Здоровенный лоб, и занимается такой ерундой.

Расул не стал отвечать. Подумав, что молчание в данном случае самый лучший и достойный ответ. Но игра была испорчена. Он выпустил воду из запруженной раковины, собрал свои кораблики и пиратов, спрятал в убежище, которое еще не обнаружила его зануда сестра. Выйдя из ванной, он молча прошел в свою комнату.

– Не забудь, у тебя сегодня урок математики, а ты еще не подготовился, – не унималась сестра.

– А про свое плановое свидание ты не забыла, твой милый приехал или еще нет, – он решил перейти в контрнаступление.

– Это не твое дело. А будешь много выступать, я расскажу твоей Сабиночке, как ты играешь в солдатики.

Все аргументы были исчерпаны, словесная дуэль как всегда кончилась не в его пользу. Расул вскочил, схватил попов-

шуюся под руку книгу и запустил в сторону сестры. Она с криком закрыла дверь в его комнату.

Немного успокоившись, он сел за письменный стол. Достал учебник по математике и тетрадь. Создал на столе полную иллюзию напряженной работы. Затем выдвинул большой выдвижной ящик, под столешницей. Стол как будто бы специально был устроен таким образом, чтоб при приближении неприятеля ящик можно было моментально закрыть и углубиться в решение уравнения в тетради, лежавшей на столе. В этом самом ящике лежала его любимая книга «Всадник без головы». Он раскрыл книгу наугад, ему было все равно с какого места читать. Мальчик знал ее наизусть. Он представлял себя на месте отважного мустангера, укрощал диких мустангов, скакал по необозримым просторам прерий, обнимал нежную Луизу. Иногда он настолько переносился в воображаемый мир, что возвращаться в свой современный мир, где нужно было учить математику, выслушивать колкости сестры, было непреодолимо трудно. Книга была старенькой, зачитанной. Она являлась частью его сокровищ, которыми он очень дорожил. Кроме нескольких книг, туда входили коллекция моделей автомобилей, батарея солдатиков и флот игрушечных кораблей.

Передышка была недолгой, вновь послышался голос сестры:

– Я знаю, ты читаешь своего Всадника. Хоть бы прочел еще какую-нибудь книгу. Ах да я забыла, еще «Три мушкетере-

ра». Интересно на месте кого ты себя представляешь, Д'Артаньяна, наверное, а может быть Портоса, он тебе ближе.

– Как ты меня утомила, тебе нечем заняться? Позвони своей подруге, вам есть о чем поговорить, не то что мне, бедному Портосу. Вы уже перемыли косточки всем, или еще кто-нибудь остался?

– Не беспокойся, твои косточки нас не интересуют. Зато наверняка они очень интересуют твою училку. Скорее не косточки, а голова. Вот устроит она тебе сегодня головомойку.

Он с ужасом посмотрел на часы. Так и есть, ему нужно быть на уроке через полчаса. Он схватил учебник математики и тетрадь, положил их в папку. Перед выходом, пригладил свои вихры и посмотрел в зеркало. Удовлетворенный увиденным, он прокричал:

– Я пошел, жди меня и я вернусь, а если задержусь, значит Фрида услышала твои молитвы, и устроила мне головомойку.

Учительница математики жила в нагорной части города. Он сел в старенький троллейбус, который неспешно, двинулся по своему маршруту. По дороге несколько раз соскакивала штанга, водитель выходил, стучал по штанге, что-то подправлял, и троллейбус также не торопясь ехал дальше.

– Наверное, пешком я бы уже добрался, а теперь мне еще попадет за опоздание, – подумал он.

Наконец троллейбус дотащился до нужной остановки. Он спрыгнул с подножки и еще два квартала поднимался вверх.

Подъем был крутой, один из домов прорезала трещина, грозившая в скором времени разрастись и разломить дом пополам. Однако жильцы дома продолжали жить в нем и, по видимому, мало кого заботило бедственное положение дома. Мальчик ходил заниматься к учительнице уже полгода и каждый раз, проходя мимо этого дома, замечал, как трещина становилась все шире.

Перед дверью учительницы он набрал в легкие воздух, изобразил на лице улыбку.

– А вот и ты, я думала, что ты уже не придешь, опаздываешь на десять минут.

– Извините, это больше не повторится.

– Надеюсь. Надеюсь.

Они сели заниматься в большой светлой комнате. Примечательна она была тем, что вокруг стен стояли поставленные друг на друга полки, заполненные книгами.

– Ну, приступим, насколько я помню, нужно было составить два вида уравнений по простенькому условию задачи. Получилось или нет?

Мальчик помедлил минуту. Он не подготовил заранее объяснения, почему он не сделал задания и сейчас вдруг представил, что на его месте сделал бы Моррис Джеральд. Он бы вскочил, вытащил лассо из-за пояса, помахал бы им перед носом учительницы, и она тут же забыла бы и про уравнения и вообще стала бы его уважать и перестала бы донимать никому не нужной математикой.

– Нет, у меня ничего не получилось, очень трудная тема.

Он опустил глаза, так легче было придумывать отговорки. Обычно терпеливая и снисходительная учительница на этот раз решила проявить характер.

– Все, сказала она, – мое терпение лопнуло. Я закрою тебя в комнате, и ты выйдешь отсюда только после того, как составишь уравнения.

Она вышла из комнаты, и он услышал, как ключ повернулся в замочной скважине. Она выполнила свою угрозу. За окном месяц май вступал в законные права. Щебетали птички, пахло акацией. Мальчик еще раз подумал о своей тяжелой судьбе. Не оставалось ничего другого, нужно было заниматься. Он раза два внимательно прочитал условие задачи. Память у него была преотличная. Он мог процитировать, ни разу не сбившись, любой отрывок из своих любимых книг, но вот задача... К концу прочтения задачи он уже забывал ее начало. Придя к выводу, что это бессмысленное занятие, он, как всякий решительный человек, приступил к действиям. Прежде всего нужно было оценить ситуацию. Он встал, обошел комнату, подергал ручку двери, убедившись в том, что замок надежный. Прошел к окну. На широком подоконнике стоял аквариум, шарообразной формы. В нем метались две малюсенькие рыбки. Он подумал, что похож на такую же рыбку, правда запертую в больший по размерам аквариум. На окне не было решетки, и мальчик, открыв его, выглянул на улицу. Оказалось, что окно было располо-

жено невысоко от земли, квартира со стороны улицы находилась в бельэтаже. Со стороны двора, где был вход в квартиру, нужно было подняться на второй этаж по старой скрипучей деревянной лестнице. Сегодня он обнаружил и оценил эту странность домов, расположенных в нагорной части города. Недолго думая, мальчик отодвинул мешавший ему аквариум, примерился и спрыгнул на улицу. Проходившая мимо парочка удивленно оглянулась, но увидев его веселые, отчаянные глаза, прошествовала дальше. Расулу захотелось пройтись пешком, подышать весенним воздухом. Он легко вприпрыжку спустился по той же улице, по которой недавно поднимался, прилагая усилия и надеясь лишь на то, что пытка уроком продлится не более часа. Домой он пришел веселый, с блестящими глазами. Сестра, увидев его оживление, удивилась:

– Наверное, у учительницы был день рождения и она вместо того, чтобы мучить тебя уравнениями, накормила тортом.

– Ты почти угадала, – он загадочно улыбнулся.

Вечером мать поинтересовалась его уроком математики.

– Мама, я, кажется, начинаю кое-что понимать.

– Я же тебе говорила, у цифр есть свой строй, если научишься говорить на языке цифр, то увидишь, какой гармоничной может быть строгая логика построения математических схем.

– Мама, ты говоришь о математике как о поэзии, – вме-

шалась всегда критически настроенная сестра.

– Лично меня интересует один банальный вопрос. – Отец не мог остаться в стороне от дискуссии.

– Какая у тебя будет оценка по математике в этой четверти.

Телефонный звонок прервал их мирную беседу. Трубку взяла мать:

– Здравствуйте, Фрида Николаевна. Мы как раз говорили о математике, и Расул признался, что ему все больше и больше нравится этот предмет. Да конечно, что-нибудь срочное? Нет, он мне ничего не говорил. Хорошо. Я зайду к вам в субботу, во второй половине дня.

Положив трубку, она внимательно посмотрела на сына:

– Выкладывай. Что ты выкинул. Просто так она не стала бы меня вызывать.

– Мамочка, представь себе, в такую погоду, когда вокруг все цветет, она заперла меня в комнате и пообещала не выпускать, пока я не сделаю задание. А я взял и выпрыгнул в окно, – он жалобно посмотрел на нее, зная какой эффект производила на нее его жалостливая физиономия.

– Что ты сделал? Мать понизила голос.

– А вот сейчас я ему объясню, – отец встал из-за стола, и сделал движение по направлению к Расулу, тот вскочил и убежал к себе в комнату.

– Оставь его, он еще такой ребенок, – мать говорила тихо, устало.

– Ребенок в шестнадцать лет? Не слишком ли затянулось его детство.

В субботу Расул старался не попадаться матери на глаза.

В два часа она уже преодолевала тот же подъем, что и ее сын несколько дней тому назад. Она шла не спеша, и замерла перед трещиной в стене соседнего дома.

Подойдя к дому учительницы, она в первый раз обратила внимание на то, что дом словно поднимался в гору. С улицы он возвышался всего на полтора этажа, тогда как со двора он был двухэтажным.

Позвонив в дверь, она справилась с волнением и совершенно успокоилась.

– Проходите, пожалуйста, – учительница была подчеркнуто вежлива. – Я думаю нам есть о чем поговорить, и вы, наверное, уже все знаете. В моей практике – это первый случай. Нет, не надо ничего объяснять. Представьте себе, я многое повидала за время моего учительства, но всему можно найти какое-то объяснение, в данном случае я в недоумении. Я пришла к выводу, что у него задатки авантюриста, да он самый настоящий авантюрист. У меня в тот вечер случился сердечный приступ. Я очень переживала, ругала себя за то, что может быть злоупотребила своей властью. Но вы должны меня понять: он способный мальчик, но ленивый. Мне очень хотелось, чтобы он стал серьезнее, и я надеялась, что моя тактика поможет ему встряхнуться. Я даже представить не

могла, что он способен выкинуть такой фортель. Я не знаю, чем у него занята голова, но, во всяком случае, не математикой.

– Если позволите, – мать мальчика решила прервать словесный поток, – я в его оправдание хочу сказать только, что наступила весна, и может поэтому поступки людей, а в особенности детей, не всегда так серьезны как хотелось бы.

– Вы так считаете?

Женщина смутилась.

– Я Вас вызвала, чтобы сообщить о своем решении. Вы извините меня, но я не буду больше с ним заниматься. Мне здоровье не позволяет переносить подобные стрессы.

– Фрида Николаевна может все-таки вы передумаете, он прекрасно к вам относится.

Учительница с иронией посмотрела на женщину:

– Я в полной мере оценила его прекрасное отношение.

Женщина поднялась:

– Ну, в таком случае я не буду отнимать у вас время. И надеюсь, что несмотря ни на что у нас сохранятся добрые отношения.

Учительница взяла со стола книгу и тетрадь и подвинула их к матери мальчика.

– Ваш сын в прошлый раз так спешил, что забыл их у меня. Я представляю, как вам трудно с ним.

Женщина попрощалась и вышла. Она шла домой пешком, вдыхая свежий, пахнувший весной, воздух.

Дома ее ждал Расул:

– И что она тебе сказала. Какой я не серьезный, ленивый, голова забита неизвестно чем.

– Ты напрасно иронизируешь. Она все это сказала, потому что это правда. Но я не буду повторять ее слова, я тебе скажу то, что пришло мне в голову. По дороге к ней я заметила дом, который пересекает трещина. Дом поразил меня. Мне стало страшно за живущих в нем людей. Я представила себе, как в один прекрасный, вот такой же как сегодня весенний день, дом может разломиться. При благоприятном исходе, человеческих жертв может не быть и люди останутся живы, но потеряют кров. Но может быть и другой исход. Я догадываюсь, что люди, живущие в доме, не раз обращались к городским властям, и может быть к их просьбам прислушаются. Еще я подумала о том, что в случае с домом, я бессильна. Я не могу ничего изменить. По странной аналогии, я подумала о твоём уроке математике, о твоём будущем, о том, что маленькая трещинка, пробел в твоих сегодняшних знаниях, может перерасти в непреодолимый ров, который может разломить твою судьбу и ничего нельзя будет изменить. Математика – это не просто уравнения и формулы, это способность логически мыслить. Способность предвидеть, маневрировать, анализировать.

Женщина замолчала. Расул сник и не пытался ничего возразить.

Через несколько дней, дочь подошла к матери:

– Мама угадай, что Расул читает втихую.

– Что значит втихую?

– Что за книга у него спрятана в потайном ящике письменного стола.

– Том Сойер?

– Том Сойер?

– Никогда не угадаешь, математика.

Нелетная погода

Зал ожидания в аэропорту, своеобразная остановка во времени. Некоторые события, приведшие людей в этот зал, уже произошли, другие ожидаются, и у пассажиров, готовящихся улететь есть небольшая пауза перед прыжком в будущее, обещающим новые надежды и неожиданные, но неизбежные разочарования. Кто-то дремлет, кто-то читает. Несколько матрон, удобно устроившись в креслах и не обращая внимания на возню детей, сосредоточенно смотрят на далекий экран телевизора, подвешенного под потолком. Страсти, бурлящие на экране, взбадривают их. Они долго будут переживать экранные интриги, забывая свою собственную жизнь.

Он сидит в углу, вытянув ноги. Голова чугунная гудит. Ощущение пустоты и горький вкус во рту. Маленькая девочка крутится около него, пытаясь развлечь. Он с неприязнью смотрит на нее, представляя, как она вырастет и станет такой же лживой, как все женщины. Женский гнусавый особый аэропортский голос объявляет о задержке рейса на Баку. Он вздрагивает, стискивает челюсти и еще глубже вдавливаются в кресло. В голове звон молоточков и ее смех. Низкий прерывистый смех. Он знает, когда она смеется таким смехом. Он снова взбирается на Голгофу и снова пережевывает события, сделавшие из него, счастливого молодого человека,

самого потерянного и несчастного.

Еще раз удивляется странной загадке времени. Сутки назад, 24 часа назад все было иначе, несколько мгновений и мир перевернулся. Он заикливается на данном отрезке времени. Произошел сбой в сознании, и один и тот же кадр прокручивается по несколько раз. И нельзя крикнуть как плохому киномеханику: Сапожник, давай кино.

Вот он идет, еще счастливый, в переговорный пункт на ритуальный звонок. Сложившийся ритуал предполагал звонок в пятницу в конце рабочего дня и рабочей недели, чтобы получить заряд бодрости на предстоящую неделю и жить иллюзиями. Своего рода наркотик, к которому привыкаешь так быстро. Всегда ее радостный звонкий голос. Он предполагал, что так она может говорить только с ним. Святая наивность. Откуда ему, неопытному мальчику, знать, на что способны женщины. Он уже готов приписать им все мыслимые и немыслимые грехи, забывая свои собственные или не придавая им особого значения.

Монетка падает, отбойные гудки и где-то далеко ее смех.

Врывается чужой мужской голос:

– Скажи, эта бабка долго будет тебя караулить?

Она кокетничает:

– Ни за что и никогда.

Повторяет дурацкую фразу на разные лады. Для нее это игра. Как шkodливый котенок она пробует коготки. В голове свободно от каких-либо мыслей об измене, о предательстве,

ничего тяжелого, все легко, воздушно, весело и захватывает дух как на качелях.

Собеседники так увлечены, что понятно, что слова, только слова, а что-то другое в ее низком смехе.

– Прощу тебя, как только она уйдет, закрой окно, и я спущусь.

– Ни за что и никогда, – звучит как поощрение.

Отбойные гудки. Наверное, она пошла закрывать окно.

В телефонной кабине жарко. Он покрылся испариной. Выждал минут пять, проглотил комок в горле и взял следующую монетку.

– Здравствуй, это я.

– Как хорошо, что ты звонишь любимый. Я так ждала твоего звонка. Ужасно скучаю.

Ей не пришлось притворяться. Для нее все было так естественно. Он любимый, серьезный, ответственный, иногда занудливый. Он как данность. Она привыкла к его звонкам, к мыслям о нем.

– А знаешь, мне приснился странный сон. Как будто ты разговариваешь с каким-то парнем и просишь его прийти, как только уйдет твоя бабушка.

Он сказал все слова медленно, ожидая взрыва, слез, оправданий, чего угодно, но только ни молчания. Повисла пауза. Она замерла в напряжении.

– Ты меня слышишь, любимая. Я прилечу сегодня же, и я убью тебя.

Повесил трубку. Ярость залила глаза. В голове стучит, стучит. Проснулся неандерталец, сидевшей в нем. Одно желание: крушить все вокруг. Вышел из переговорного пункта и пошел той же дорогой, какой шел пятнадцать минут назад. По странному совпадению погода испортилась. Подул пронзительный холодный ветер, похожий на бакинский ветер норд. Город стал грязнее, провинциальнее. Женщины и девушки вульгарные, ярко накрашенные, вызывающие. Зашел в свою комнату. Побросал в спортивную сумку все, что попало под руку. Полюбовался на лежащий в ящике стола тяжелый кастет и с тоской подумал с каким бы удовольствием он вмазал бы этому типу, с которым она ... Он боится додумывать свои мысли. Воображение не лучший советчик в такую минуту. Но ничего не получается. Картины, одна живописнее другой, представляются ему. Он забывает, что за короткий промежуток времени между звонком того парня и его звонком, вряд ли можно было бы заняться любовью.

Примчался в аэропорт. Сегодня как раз есть рейс на Баку. Успел, как всегда. Взял билет. Ему всегда все удавалось. Он мог планировать свои действия. Знал точно, что хочет и чего не хочет. И вдруг непонятный срыв. Прокололся с девушкой, которую любил. И как лавина пошли незапланированные события.

– Нелетная погода, повторял противный голос.

Бессилие тяжелее, чем ярость. Ярость осязаема, она может иметь выход. Можно перебить всю казенную посуду в

комнате в общежитии, свою бы он бить не стал. Можно наорать на соседа по комнате и лишний раз самоутвердиться. Бессилие совсем другое дело. Он сидит в кресле, час, другой, третий. Сначала он курил сигареты, зажигая одну от другой. Потом стал придумывать, как отомстит, как она будет рыдать и умолять простить ее. Единственный приятный миг за весь этот промежуток времени. Он бессилён что-либо изменить.

Очнулся от нового объявления. В виду нелетной погоды полет откладывается на неопределенное время. Пассажиры смогут получить нужную им информацию по телефону.

Телефон. Ему показалось, что круг замкнулся. Опять проклятый телефон. Ему опять придется звонить по телефону. Он не в состоянии это сделать. В первый раз, он, никогда не веривший в рок, подумал, что не все на этом свете он может спланировать сам, что где-то там в высших сферах сидит главный плановик, планирующий за всех нас.

По ассоциации он вспомнил фантастический рассказ американского автора, где люди пытались при помощи машины времени изменить ход событий, упорно возвращаясь в прошлое и пытаясь изменить свершившееся. Роковое стечение обстоятельств приводило их каждый раз к одинаковому результату.

В Баку девочка проходит свой отрезок пути, параллельный его отрезку.

Она в оторопи. Первое мгновение – все происходящее не имеет к ней никакого отношения. Затем боль, злость на себя,

на всех, и наконец страх.

Она такая бесстрашная стала опять маленькой девочкой, которая боится темноты, ей кажется, что невидимое чудовище спряталось в темной комнате, как когда-то очень давно. Разница лишь в том, что чудовище обретает реальные очертания и как оборотень принимает облик любимого.

Она с трудом заставляет себя дождаться прихода матери и выпаливает ей сразу все свои новости.

Мать спокойна, рассудительна, выдержана:

– Чего ты ждала. Ты взрослая девочка и должна отвечать за свои поступки.

– Мама ты же знаешь, в понедельник я должна ехать в Шемаху. Он это прекрасно знает и знает, что я буду без Вас. Он придет и убьет меня.

Мать улыбнулась немного грустной улыбкой.

– Не бойся, что-нибудь ему помешает, ну хотя бы нелетная погода.

Дорога в Шемаху, обычно веселая, просто от удовольствия видеть убегающие пейзажи за окном, на этот раз унылая. Автобус как нарочно попадает во все ямы на дороге. Попутчики, все с подозрительными, бандитскими рожами.

Добравшись до комнатухи, которую она снимала в большом доме, завалилась на кровать прямо в одежде, и, наконец, заснула свернувшись калачиком. Среди ночи она проснулась мокрая от слез. Пыталась вспомнить, что ей снилось, но не смогла. Поднялась усталая, но как ей показалось спокойная.

Утром дорога в школу по разбитой, наезженной большими грузовиками колее. Грязь куда не посмотри. Поднять голову и увидеть разноцветье деревьев в прозрачном воздухе ей не хотелось. Мазохистское желание упиваться собственными страданиями. Повсюду мерещился Он. Прошел день, два. Страх отступил, а вместо него появилась непонятная обида, как если бы ее обманули. Пообещали что-то сверхъестественное, острые ощущения и вдруг все разом исчезло.

В пятницу, как обычно, после рабочей недели она вернулась в Баку. В субботу вечером телефонный звонок. Она снимает трубку, не думая ни о чем.

– Здравствуй любимая, это я. Я не смог прилететь раньше из-за нелетной погоды. Я просто хочу увидеться и объясниться с тобой.

Она задохнулась. Те самые эмоции, которых она так ждала. Отвратительный страх сжал горло и остудил руки.

– Ни за что и никогда, – кричит она и бьется в истерику.

Мать обняла ее за плечи, взяла из рук телефонную трубку и положила на рычаг. Потихоньку она затихла и согрелась. Никогда ей больше не захочется этих самых острых ощущений. Так думала девочка, столкнувшись с первым в своей жизни загадочным совпадением.

Знакомство

Будильник звонил и звонил, а Ясмин никак не могла проснуться. Во сне происходили бурные события, и звонок был тем самым звонком в дверь ожидаемого с нетерпением человека. Наконец она распахнула в дверь. За ней была пустота. И только тогда она пошевелилась, с усилием разлепила веки и с разочарованием поняла, что тот человек не придет, а звонит ненавистный будильник, и ей надо вставать и идти в темноту, слякоть, «нести свет просвещения в массы». Она тихо оделась, чтобы не разбудить своих спавших сладким сном подруг. Одна из них Ира, открыла один глаз, оценила ситуацию, перевернулась на другой бок и очень довольная тем, что вставать нужно не ей, тут же уснула.

За окном было еще темно. Ясмин приходилось вставать очень рано, потому что школа, где она отбывала повинность, находилась довольно далеко, в селе, расположенном неподалеку от городка, и добиралась она до нее не меньше часа. И что еще было очень удивительно, и чему она каждый раз поражалась, это неравномерность прохождения одинаковых отрезков времени. Пока она одевалась и готовилась выйти, время летело неудержимо. Каждый день повторялось почти одно и то же, с небольшими вариациями, учитывая время года и погоду. Она обещала себе, что завтра она встанет пораньше, и не будет опаздывать. Завтра все было также, как

и вчера. Однажды с ней приключился и вовсе забавный случай. Как всегда поднявшись ни свет ни заря, но все же умудрившись провозиться, она сломя голову прибежала на остановку автобуса и с ужасом обнаружила, что платье на ней надето наизнанку. Естественно пришлось вернуться, благо еще было темно, и она утешалась тем, что мало кого встретила на улице. Да и потом, кто их знает городских, может это такая новая мода.

В маленьком поселке, где все друг друга знают, Ясмин и ее подруг знали очень хорошо. Можно сказать, они были местной достопримечательностью. Четыре столичные девицы, невероятным образом попавшие в маленький городок. О них рассказывали разные истории. Одна занимательнее другой. Невольно станешь гордиться и думать о собственной исключительности.

Ясмин прежде всего знали все местные таксисты. Она опаздывала с завидным постоянством. И когда становилось ясно, что на автобусе она доедет до школы только к полудню, она махала рукой и садилась в проезжающее такси. Желающих прокатиться на такси было очень немного и потому, все без исключения таксисты были очень благожелательно настроены. Почти вся ее зарплата уходила на транспортные расходы. Тем не менее, ни один смельчак не рисковал подъехать к самой школе. Дорога, хотя вряд ли эту часть пути можно было назвать дорогой, была сплошным месивом. Может быть летом она просыхала, но Ясмин это было неизвест-

но, потому что летом у нее, как и у ее учеников были каникулы. Обычно она выходила из такси после подъема, перед грязевым участком.

Оставшийся отрезок пути, который она проходила пешком, Ямин, как правило, шла в сопровождении стаи громадных собак. Она не боялась собак, и они это чувствовали. Один из ее коллег, увидевший как-то ее в таком серьезном сопровождении задал ей вопрос:

– Вы такая маленькая и не боитесь собак.

– Я не боюсь даже наших учителей, а вы говорите о собаках.

Объяснить причину столь резкого ответа можно было бы романтичностью учительницы, столкнувшейся с реальностью, еще более суровой в маленьком городке, в сравнении с столицей. Придя в первый раз в школу, и полюбовавшись на прекрасные классы, где было все необходимое, как ей казалось, для обучения, она с ужасом увидела на следующий день висячие амбарные замки на них. Директриса, милая женщина, объяснила ей, что буйные ученики могут сломать инвентарь. Заниматься ей пришлось в полуподвальном помещении с прогнившим полом. Время от времени из щели в полу выскакивала крыса, учительница с криком ужаса вскакивала на парту, и дети веселились. Развлечений у них было немного. Она старалась не ругать их и не кричать на них. Однажды она зашла в один из прекрасных классов, где как раз шел урок. Учитель, массивный хромой мужчина лу-

пил мальчика палкой, на которую он обычно опирался при ходьбе. После этого случая, толстый учитель все время с подозрением косился на нее, не зная, чего ожидать от тощей девчонки. Ясмин и вовсе перестала сердиться на своих шумных учеников, и они платили ей взаимностью; весной они приносили ей огромные охапки тюльпанов; ими были усеяны поля вокруг городка.

Несколько дней подряд, на самом высоком месте, где по-видимому грязи было меньше, стоял внушительного вида мужчина и оглядывал окрестности. При приближении Ясмин, он громким голосом говорил:

– Здравствуйте.

В первый раз Ясмин от неожиданности вздрогнула. Обычно в это раннее время мало кого можно было встретить. Она выглянула из капюшона пальто, полностью скрывавшего ее лицо, и ответила не очень уверенным голосом:

– Здравствуйте.

Она не задавалась вопросом, кто бы это мог быть, и вообще забывала о встречающем ее каждое утро человеке, почти сразу же. В очередной раз, когда она была в лучшем настроении и почти проснувшись, Ясмин обратила внимание на то, как этот человек одет. Он был в строгом пальто, но что бросалось в глаза, в раннее утро, в соседстве с гусями, плескавшимися в луже, его яркий галстук, красующийся на фоне белоснежной сорочки. В следующие дни она была более внимательной. Ей было интересно, будет ли мужчина в

галстук, столь поразившем ее воображение, или оденет что-нибудь проще. К ее удивлению и восхищению, он каждый день был в новом галстук и новой сорочке.

Прошел месяц. Иногда ее утренний кавалер, как она его про себя окрестила, отсутствовал. Она рассказала о нем своим смешливым подругам, и он стал одной из тем их вечерних бесед, они придумывали ему приключения: как он при галстук и в начищенных ботинках бегал за петухом, как свалился при полном параде в грязь и его вытаскивали бульдозером.

Прозвенел звонок с урока, заканчивался школьный день. Ясмин посчитала в уме сколько ей осталось героических утренних подъемов до конца недели, маленькое утешение, если учесть, что каникулы только кончились.

– Ясмин, тебя вызывает завуч, – позвала ее одна из учительниц.

Она вошла в кабинет завуча, прежде занимавшего важный пост в местной администрации. Все в нем говорило о былом величии. Громкий голос, важная поступь, привычка внимательно, со значением смотреть на собеседника и уверенность в том, что является истиной в последней инстанции.

– Что ему понадобилось от меня. Вроде опаздываю не так часто. Ничего не прошу.

Ясмин стояла лицом к завучу и не обратила внимания на человека, сидевшего в дальнем углу. Завуч поднялся с места и торжественно произнес.

– Знакомьтесь, Ясмин ханум, наш врач, Фархад, целитель, так сказать, наших тел, тогда как мы с вами, являемся целителями душ, – он засмеялся, довольный своим красноречием..

Ясмин обернулась и только тут узнала своего утреннего кавалера. Он был, как всегда, при галстукe. Она с любопытством смотрела на него.

– Я давно собирался прийти познакомиться с новой учительницей, которую так любят ученики, что только о ней и слышишь.

– Мы, кажется, с вами уже знакомы, – улыбнувшись, сказала Ясмин.

Фархад смутился. Такой большой, внушительный, он очень симпатично смушался. Завуч тут же пришел ему на помощь:

– Не подумайте, Ясмин ханум, что Фархаду не чем заняться и он только и ищет новых знакомств. Он серьезный человек и занимается наукой. Ему понадобилась ваша помощь, поэтому он и пришел.

Фархад смутился еще больше. В руках он держал толстенную книгу.

– Вот, – он протянул ее Ясмин.

– Книга называется «Инфекционные болезни», но она на французском языке, я хотел бы, чтобы вы помогли мне перевести некоторые страницы.

Завуч торжествующе посмотрел на нее.

– Видите, Ясмин ханум, я же говорил, Фархад очень серьезный человек.

Молодая учительница беспокоилась только о том, чтобы не рассмеяться, а остаться серьезной и вполне взрослой до конца разговора.

Она кивнула.

– Я отметил нужные мне главы. Если вы позволите, я зайду к концу следующей недели. Он вскочил, попрощался и поспешно вышел из кабинета.

Завуч решил, что как раз сейчас нужно аккуратно и деликатно прощупать почву:

– Ясмин, если вы не против, я буду вас так называть, я гожусь вам в отцы и желаю только хорошего. Фархад очень хороший парень, самостоятельный, серьезный, не то что разные бездельники.

– Извините, я вас не понимаю, меня попросили перевести инфекционные болезни, – тут она не удержалась и рассмеялась.

Он посмотрел на нее строго, так он смотрел на провинившихся учеников и сказал тоном, не терпящим возражений:

– Вам пора выходить замуж. Природа требует.

Ясмин выскочила за дверь, забыв о всяких приличиях, и убежала в пустой класс, чтобы никто не застал ее в приступе необъяснимого веселья.

Дома, во время вечернего обзора событий, когда каждая из девушек рассказывала все, что происходило с ней за день,

Ясмин расспросили с пристрастием. Потом стали рассматривать книгу. Оказалось, что книга из столичной библиотеки, оригинал был издан на русском языке в издательстве «Наука», авторы московские.

– Ты можешь себе представить, сколько ему пришлось искать, чтобы наконец найти книгу по медицине на французском языке. Ему так и не удалось найти французского автора, пришлось согласиться на перевод. Бедняга, мне его жаль. И наверняка он ее выкрал из библиотеки, или заплатил в тройном размере, – Ира говорила вполне серьезно.

Ясмин не удержалась:

– Когда я увидела его в восемь утра при галстуке и костюме, я тогда уже подумала, что с ним не все в порядке, теперь я вижу, что он полный кретин.

– Ты не права, подруга.

– А сейчас ты мне напомнила моего завуча. Я думаю, что пора уже издавать его цитаты отдельным сборником, как Козьму Пруткова.

Две другие девицы внесли свою лепту, посмеявшись и над парнем, и над Ясмин, попадавшей всегда в необычные ситуации.

Ясмин не собиралась переводить книгу, которую можно найти в оригинале в любой библиотеке. Она ожидала конца недели, тем более, что по утрам Фархад отсутствовал на своем посту.

В пятницу, как и было обещано, завуч встретил ее в ко-

ридоре с видом заговорщика и сказал:

– Фархад ждет вас в моем кабинете, а я опаздываю на урок, – и удалился, сверкнув глазами.

Она вошла, дав себе слово, что будет вежливой.

Фархад был в свитере и выглядел лучше, чем в костюме.

– Извините меня, вы, наверное, и сами догадались, что мне не очень был нужен перевод, я просто не знал, как с вами познакомиться. Потом только я представил, как все глупо и смешно выглядело. Если вы думаете, что я идиот, то так и скажите, я больше не буду мозолить вам глаза, ни по утрам, ни в другое время.

– В самом деле, у меня сложилось о вас определенное мнение. Но, может быть, я ошибалась.

– Значит я угадал.

В дверь кабинета постучали. Учительница, приоткрыв дверь, с любопытством заглянула во внутрь.

Ясмин поднялась:

– Мне нужно идти. У меня скоро урок. – она двинулась к двери.

– Вы не ответили мне. – Фархад вдруг стал смелее.

– Могу сказать, что мне не хватает вашего утреннего приветствия.

– Вы серьезно?

– Ну не совсем.

Они рассмеялись оба. Я буду ждать вас в городе, каждую пятницу рядом с вашим домом, я знаю, где вы живете.

Ясмин ничего не ответила. Выходя, она оглянулась и улыбнулась ему. Вечером, когда подружки стали расспрашивать о ожидавшемся визите, она сказала равнодушным тоном:

– Мой утренний кавалер, так и не пришел.

Ира посмотрела на нее внимательно и сказала:

– Я все поняла, подружка, тема закрыта.

Перевод

В десять часов утра на кафедре иностранных языков раздался телефонный звонок. Все педагоги, собравшиеся в небольшой комнате и оживленно беседовавшие, разделившись на небольшие группки, на мгновение замерли. К телефону позвали Марго, так ее называли между собой педагоги.

Разговоры вокруг Марго возобновились. Она говорила тихо и проникновенно, при этом у нее говорило все лицо. Лоб собирался в гармошку, губы вытягивались трубочкой, брови поднимались и опускались, неподвижными оставались только уши и нос. Прозвенел звонок, учителя по одному, без спешки стали выходить с кафедры, а Марго продолжала что-то очень выразительно говорить в трубку. Последнее предложение прозвучало в полной тишине:

– Ну что вы, я так занята, я могу предложить вам свою коллегу, очень милую девочку.

Закончив разговор, она прошла в аудиторию к милой коллеге.

– Деличка, у меня для тебя прекрасная новость.

Она сделала многозначительную паузу, подняла брови, наморщила лоб, чтобы собеседница прониклась значимостью события.

– Только что позвонила известный режиссер и попросила меня продублировать фильм. Но ты ведь знаешь, как я заня-

та.

Она вздохнула и развела руками.

– Представь себе, я решила порекомендовать тебя.

Тут нужно было изобразить восторг, что Деля, послушная девочка и сделала. Она улыбнулась, покачала головой и сказала:

– Ах, Марго, ты такая добрая.

Можно было понять нежелание Маргули, как ее иногда ласково называли, переводить фильм. В случае неуспеха она рисковала своей репутацией профессионала высокого класса, а в случае успеха, в лучшем случае ее ожидала похвала режиссера-женщины ее пригласившего, оплаты не предвиделось. Режиссер заранее предупредила, что клуб, организующий показ – благотворительный.

Далее события развивались стремительно. Оказалось, что дубляж фильма предполагался в тот же вечер, синхронным переводом. К тому же посмотреть фильм времени не оставалось, т.е. нужно было надевать наушники и около двух часов, почти без остановки и безо всякой подготовки переводить весь текст фильма.

Оценить "доброту" Маргули мог только профессиональный переводчик, но Деля к таковым явно не относилась.

После окончания занятий, Деля забежала домой, на ходу съела бутерброд и умчалась в Дом кино, где ожидался просмотр фильма. В просторном холле, она узнала по описани-

ям женщину режиссера, просившую о переводе.

– Да я так и думала, что вы такая. Марго мне звонила и сказала, что вы милая. Это правда, вы в самом деле очень милая.

Деля тотчас услышала в этой фразе интонацию Марго. У нее все особи женского пола были страшно милыми. Далее, при более детальном обсуждении той или иной подруги у нее постепенно вырисовывались "не очень милые" черты и при полной картине, становилось ясно, что она совершенная стерва. Деля только тут стала постепенно понимать в какую авантюру она ввязалась. Она заглянула в зрительный зал и ужаснулась. Он был почти заполнен зрителями. Режиссер, увидев ее реакцию, постаралась приободрить ее.

– Вы совершенно напрасно волнуетесь. Я вам расскажу, как переводила фильм в нашем клубе прежняя переводчица. Правда, у нее не было лингвистического образования. Она выучила язык сама. Например, она слушала диалог примерно минут на десять, а потом пересказывала его краткое содержание. Конечно, за это время фильм шел дальше и много текста было опущено, для нее главное следовать сюжетной линии. Может, она права. Во всяком случае зрители не выражали недовольства. Наоборот устанавливался своего рода контакт со зрительным залом. Если кто-либо не понимал чего-либо по ходу фильма, то мог громко спросить, и наша переводчица безотказно объясняла. Обстановка у нас в клубе почти домашняя и очень благожелательная. Почти все зна-

комы друг с другом, случайные люди бывают редко.

Деле немного полегчало. Она прошла в конец зала за пульт переводчика. Погас свет. Зрители в темноте продолжали тихо переговариваться, ерзать. Деля постаралась сосредоточиться. Пошли титры, она была близорука и с трудом, даже через очки, прочитывала имена.

– Громче, ничего не слышно, – послышалось из зала.

Внезапно ей показалось, что голос пропал. Спазмом сжалось горло, и она не сможет произнести ни звука. Такое с ней происходило в детстве, в музыкальной школе на концерте. Пьеса, которую она прекрасно играла в классе, на сцене выходила бледной, заигранной. От ужаса перед публикой у нее зажималась кисть, внутри все холодело и дальше она играла как механическое пианино.

Она попыталась преодолеть состояние бессилия и повысила голос. Ей удалось. Ее голос, достаточно сильный и с живыми интонациями зазвучал в зале. В наушниках шел сначала авторский текст, а за ним следовали диалоги. Деле показалось, что она ничего не разбирает из льющегося потока речи. Она выхватывала группу слов и выговаривала фразу, немного похожую на то, что говорили с экрана. С каждым словом чужой язык становился понятнее. Наступил момент, когда она стала понимать и передавать довольно точно то, что происходило в фильме.

В зале кто-то почти рядом с ней заговорил громко, заглушая фильм. Ей захотелось одернуть человека. Но фильм не

ждал, он несся вперед, а она послушно летела за ним. Деле очень повезло с фильмом. Если бы специально для неопытного переводчика выбирали бы фильм, то наверняка остановились бы именно на нем. Он был снят в пятидесятых годах. Современных жаргонизмов в нем почти не было. Скорость речи, также как и скорость, с которой менялись кадры на экране, были гораздо медленнее. Все происходило размеренно. Даже сцены, где бушевали страсти, казались спокойнее и выдержаннее. Природа людская независимо от времени остается прежней, но форма поведения и способы выражения претерпели значительные изменения. Движения достаточно резкие у современных героев, выглядели гораздо более плавными у героев пятидесятых годов. Ей не приходилось мучительно искать синоним, чтобы перевести в нормативную лексику какое-либо особенное ругательство. К середине фильма Деля начала получать удовольствие от необыкновенно трудной работы.

Зазвучала музыка, сначала тихо, потом все громче переходя в мажор. Она перевела дух и подумала, что финал близок. На экране появились финальные титры. Деля была почти счастлива. Она сняла наушники и поправила волосы. Зрители захлопали. Хотя было очевидно, что хлопали не ей, а режиссеру и актерам, создавшим фильм, почувствовала себя причастной к тому, что происходило на экране.

К ней подошла режиссер:

– Деличка, большое Вам спасибо. Все было замечательно.

Надеюсь, мы будем с вами сотрудничать, первый опыт получился успешным.

Ей захотелось отказаться, вспомнив пережитый вначале шок, сравнимый с прыжком в ледяную прорубь. Но через минуту она улыбнулась и сказала неожиданно для самой себя:

– Обязательно.

Операция

Лили вернулась домой довольно поздно. По телевизору показывали съезд КПСС. Брат сидел напротив телевизора и время от времени довольно хмыкал. Такое представление происходило раз в четыре года и, как правило, никто не пропускал его. Некоторые смотрели со вниманием для того, чтобы уловить подводные течения, угадать предстоящие назначения или отставки. Таких людей было меньшинство, в основном – партноменклатура. Старые партийцы смотрели в надежде на какие-то откровения, вроде новых партийных постановлений, времен Сталина. Молодежь смотрела как развлекательное шоу. Цитаты из докладов потом кочевали из анекдота в анекдот.

– Ты послушай, больше нигде такого не услышишь. Эпохальный доклад генерального Секретаря. Эпохальный, ни больше, ни меньше. – Он засмеялся. Посмотрев на ее осунувшееся лицо, озаботился:

– Что с тобой?

– Мне что-то нехорошо, живот тянет.

– Ложись и теплее укройся, ты, наверное, простыла. Расскажи, как чувствует себя бабуля. Она уже может двигаться или лежит без движения. Что-нибудь съела? Говорит? Мама сказала, что ей поставили диагноз: инсульт. Мама так торо-

пилась тебя заменить.

– Наверное, чувствовала, что мне нехорошо.

Она разделась и легла. Некоторое время еще слышала сквозь дрему обрывки фраз и смех брата, но вскоре заснула. Проснулась глубокой ночью от резкой боли под лопаткой. С трудом прошла на кухню, выпила воды. К утру она почувствовала, что пылает. Мать пришла через час. После короткого совещания с братом, решили вызвать скорую. Машина скорой пришла неожиданно быстро. Врач подошел к ней и холодными после мытья руками прощупал живот.

– По-моему, банальный аппендицит. Но ждать нечего. Нужно оперировать как можно скорее. Представьте себе, что и от аппендицита можно отправиться к праотцам. А Вам, де-вушка, нечего будет им рассказать. Едем прямо сейчас.

Мать быстро собралась, сосредоточенная и серьезная. Лили тихо постанывала. Машина с ревом помчалась по улицам еще тихого утреннего города. Больница, в которую они приехали, была больницей скорой помощи. Врачи, казалось, привыкли к тому, что каждый привезенный больной был экстренным случаем. Лили приняли спокойно, без спешки. Женщина в белом халате и колпаке, с руками, усеянными кольцами разных размеров, уложила ее на койку. Врач скорой помощи тихо говорил ей что-то. Лили не прислушивалась. В голове гудело так, что она, в обычной жизни, в ме-

ру любопытная и живая, сейчас чувствовала себя отстраненной. Странно было наблюдать за происходящим, как бы со стороны. Вот женщина задумалась. Невзначай полюбовалась кольцами. Села рядом на кушетку, поправила волосы, выбивавшиеся из-под шапочки.

– Ну, покажи, где у тебя болит. Здесь болит? – Она резко нажала пальцами вниз живота. От неожиданности Лили вскрикнула.

– Так, понятно, – женщина удовлетворенно кивнула.

Мать стояла рядом и с надеждой смотрела на врача.

– А Вас, мамаша, я попрошу выйти. Мне нужно поговорить с вашей дочерью.

Женщина врач начала разговор издалека.

– Скажите, девушка, у Вас есть друг?

Лили с недоумением посмотрела на нее:

– А при чем тут мой друг?

– Отвечайте на мои вопросы; здесь спрашиваю я, а отвечаете Вы.

Лили поморщилась, но ответила, преодолевая боль.

– Есть.

– А как давно Вы с ним виделись?

– Месяц назад. Его сейчас нет в Баку.

– Ну вот, теперь, кажется, все проясняется, моя дорогая.

Судя по всему, у Вас внематочная беременность.

Лили попыталась улыбнуться.

– Доктор, я, наверное, догадываюсь от чего может возник-

нуть беременность, даже внематочная. А в моем случае, это невозможно.

– А это ты, моя хорошая, расскажешь своей мамочке.

Лили закрыла глаза. Ноющая, не проходящая боль, температура, при которой все окружающее расплывается, и какая, в конце концов, разница, что о тебе думает эта странная женщина. Лили стала тихо сползать на пол, теряя сознание.

Женщина врач засуетилась. Вызвала санитаров. Они уложили Лили на носилки и подняли на второй этаж в относительно свободную палату. Положили ее на койку и ушли также быстро, как до этого поднялись. Женщина врач, видимо решила, что свою роль она успешно выполнила. Когда к ней в коридоре подошла мать Лили, она сказала громко, уверенным тоном :

– У вашей дочери внематочная беременность. Лучше нужно следить за взрослыми дочерьми.

Мать посмотрела на нее в полной растерянности, ничего не ответила и стала медленно подниматься на второй этаж, куда унесли на носилках ее дочь.

Она не сразу нашла палату, в которую положили Лили. Спросила у нескольких больных, прогуливающихся в коридоре с блаженным выражением выздоравливающих людей, избегших опасности. Один из них кивнул в сторону нужной палаты. Мать почти вбежала в нее, и сразу же следом за ней в палату вошел высокий, в белоснежном халате чело-

век, окруженный свитой молоденьких симпатичных стажеров. Он подходил к каждому больному, тщательно осматривал его и что-то рассказывал своим спутницам, слушавшим его с большим вниманием. Подойдя к кровати Лили, у которой уже сидела ее мать, он только посмотрел на нее и тут же отдал распоряжение, подхваченное свитой:

– В операционную, немедленно!

Потом он повернулся к матери:

– Не беспокойтесь. У нее воспаление аппендикса. Оперировать буду я сам. Профессор Абдуллаев. Опыта у меня достаточно. Все будет в полном порядке.

У Лили не стали брать многочисленных анализов. Операция была срочной. Ее раздели, накрыли простыней и повезли в операционную. Уже на столе, когда ей стали делать местную анестезию, она очнулась, открыла глаза и увидела над собой лампы операционной и ясные глаза хирурга. Он тут же отреагировал на ее открывшиеся глаза и, хотя руки продолжали привычную работу, он спросил, с усмешкой:

– Ну что, в какой класс мы уже перешли?

Лили почувствовала резкую боль, казалось, сейчас вывернут наружу все содержимое ее несчастного живота:

– Не заговаривайте мне зубы, – почти прокричала она, – а тащите скорей этот аппендикс.

Острая боль кончилась. В руках у врача Лили увидела зелено-коричневого цвета стручок.

– Все хорошо, – пропел хирург, – он лопнул у меня в руках и это замечательно, что не у вас в животике, а у меня в руках.

Глаза его смеялись, и Лили сразу же успокоилась и поверила тому, что в самом деле, теперь все будет хорошо.

После операции ее отвезли в палату, где лежали такие же послеоперационные больные. Лили положили на кровать у стенки. Рядом с ее кроватью стояла другая, на которой спала девушка. На низеньком стульчике сидела женщина и читала журнал. Дверь открылась и в нее вошла Лилина тетя, пахнущая свежестью. Она улыбнулась Лили:

– Мама ушла после операции к бабушке. Я постараюсь ее заменить.

Она вытащила термос, стакан и стала наливать яркий оранжево-красный сок. При одном виде сока Лили стало поташнивать. Она отрицательно покачала головой. К вечеру ей и еще нескольким девушкам, лежавшим в той же палате, стало заметно хуже. Боли не проходили, все время тошнило и Лилина тетя, заменяя нянечку, переходила от одной девушки к другой. Наконец пришла мед сестра. Она подошла к больной, мирно проспавшей весь день, сделала ей укол, другим раздала таблетки и удалилась.

После ее ухода, женщина, сидевшая у кровати спящей, подала голос:

– Моей доченьке операцию делал академик. Видите, какая большая разница. Он очень аккуратно все сделал и поэтому она так спокойно спит. А у вас все кишки перевернуты и

сейчас ложатся на место, поэтому вам так больно.

Лилина тетя с сомнением посмотрела на нее.

– Вас зовут? Обратилась она к женщине.

– Клара.

– Очень приятно. Если бы вы еще сказали, Клара, какое лекарство ввели вашей дочери и как нам договориться с медсестрой, то, я думаю, что кишки у бедных девочек, тоже сразу же легли бы на место.

– Ну что вы такое говорите! Ей сделали обычной укол, какой полагается делать после операции.

– А разве я сказала, что его не полагается делать? – искренне удивилась Лилина тетя.

– Может, она просто забыла сделать его другим. Вот поэтому я хочу узнать название препарата.

– Я в этом ничего не понимаю и не вмешиваюсь обычно.

– Я с вами совершенно согласна, но мне хочется помочь девочкам.

Спор разрешился неожиданно. В палату быстрым, энергичным шагом вошел хирург, так во время сделавший операцию Лили.

– Ну как наши дела? – он обернулся к Лили.

– Нормально, спасибо.

Посмотрев на ее скрюченную фигурку под одеялом, он обернулся и окинул взглядом всех больных, задержавшись на спящей. Он быстро вышел. Через минуту вернулась медсестра, неся на подносе одноразовые шприцы и ампулы с ле-

карствами. Боль отпустила, сначала стала глухой, а потом Лили провалилась в сон.

На следующее утро она была уже совсем другим человеком. Тетя ушла, но Лили не сильно огорчилась. Она чувствовала себя вполне взрослой и самостоятельной.

Девочки просыпались одна за другой и через некоторое время, их щебетание было слышно в коридоре. Самые оптимистичные вытащили из тайников сумочки с косметикой и наводили красоту.

Лили лежала вытянувшись, улыбалась каким-то своим мыслям и продолжающейся жизни.

Только потом, когда уже все закончилось, мать узнала, что визит профессора Абдуллаева в тот страшный день в палату ее дочери был внеплановым, и что зашел он туда, только для того, чтобы показать своим студенткам выздоравливающего больного, и ее Лиличка попалась ему на глаза совершенно случайно. А мог и не зайти....

Новый Год

Новый Год надвигался неотвратимо. Все признаки наступления Нового Года в южном городе были налицо. Сиротливые, нелепые без снега, украшенные мишурой и небьющимися игрушками елки. Деда Морозы в красных и Снегурочки в голубых расстегнутых шубах, несущие нелегкую службу, бодро зазывали прохожих приобщиться к их радости и веселью и сфотографироваться на фоне сияющей елки. Огни, суматоха, множество детей на улицах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.